

19. Цыдзик Антон Вячеславович, 1906 г. р., уроженец г. Ленинграда, поляк, начальник секретной части Радиодирекции. Арестован 17 сентября 1937 г. Обвинялся по ст. 58-6, 58-11 УК РСФСР.

Постановлением Комиссии НКВД и прокурора СССР от 3 ноября 1937 г. определена высшая мера наказания.

Расстрелян 15 ноября 1937 г.

Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 8 января 1958 г. постановление Комиссии НКВД и прокурора СССР отменено, и дело за отсутствием в его действиях состава преступления прекращено. Реабилитирован.

20. Якубовский Всеволод Степанович, 1903 г. р., уроженец г. Верхотурье Пермской губ., поляк, юрисконсульт Радиокомитета.

Арестован 2 ноября 1937 г. Обвинялся по ст. 58-6, 58-9, 58-11 УК РСФСР.

Постановлением Комиссии НКВД и прокурора СССР от 2 декабря 1937 г. определена высшая мера наказания.

Расстрелян 8 декабря 1937 г.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1956 г. постановление Комиссии НКВД и прокурора СССР отменено, и дело за отсутствием в его действиях состава преступления прекращено. Реабилитирован.

По данным Управления КГБ СССР по Ленинградской области, жертвы репрессий, происходивших в Ленинграде и Ленинградской области, начиная с июня 1937 г. были захоронены в районе поселка Левашово Выборгского района Ленинграда.³⁰

Г. Д. БУРДЕЙ, Л. И. БОРОДКИН

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ В 1941—1945 гг.

(Источники, проблематика, динамика)

История исторической науки периода войны разработана слабо. Один из изученных вопросов — подготовка научных кадров по истории СССР.¹ Тесно связанный с этой темой

³⁰ См. ответ Управления КГБ СССР по Ленинградской области (письмо №10/28-456 от 12 февраля 1990 г.) на запросы ЛОИИ СССР АН СССР и Ленинградского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительного общества «Мемориал» (Архив С.-Петербургского филиала Ин-та российской истории РАН, ф. 276, оп. 2, д. 170, л. 10).

¹ Кушева Е. Н. О подготовке научных кадров в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 3. С. 118—128.

сюжет о защите диссертаций в военное время еще не был предметом специального исследования. В обыденном сознании он толкуется по-разному. Одни скептически оценивают саму возможность защиты диссертаций в военное лихолетье. Не до диссертаций, тогда было — считают и некоторые историки-фронтовики.² Подчас раздается гневный голос — место ученого в общенародной борьбе — в окопах, а не на диссертационном диспуте. Те же, кто готов признать правомерность этого вида научного творчества в тогдашних условиях, в самих диссертациях рассчитывают увидеть лишь исследования, напрямую связанные с войной и не представляющие большой научной ценности.

Попытаемся определить свою позицию и мы. Предлагаемая вниманию читателей статья ставит своей задачей дать представление о защите диссертаций (докторских и кандидатских) по отечественной и всеобщей истории в годы Великой Отечественной войны. На общем фоне развития исторической науки рассматриваются вопросы — какие трудности и проблемы возникали перед историками и как они преодолевали и решали их, по каким направлениям шла защита диссертаций, как были распределены усилия историков по научным центрам и по годам войны, какова содержательная сторона этого процесса.

Для решения этих вопросов привлечены разнообразные источники, как опубликованные, так и архивные. Деятельность академических гуманитариев прослеживается по ведомственным и личным фондам Архива Академии наук СССР (Институт истории, Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры). Первостепенное значение при этом имеют протоколы заседаний ученых советов.³

Участие в работах ученых советов и выступление в качестве официальных оппонентов на защите диссертаций отмечали в своих ежегодных отчетах академики и члены-корреспонденты АН СССР.

Ценным источником является историческая периодика военных лет. В «Историческом журнале» регулярно публиковалась информация о работе институтов Отделения истории и философии и историков высших учебных заве-

² Хесин С. С. Военная молодость историка: Светлой памяти однокурсников, погибших на фронтах Великой Отечественной... // Вопросы истории. 1985. № 6, с. 71—74.

³ См., например: ААН, ф. 1577, ед. хр. 45 — протоколы заседаний Ученого совета Института истории 10 января — 27 июня 1941 г.: утверждение тематики диссертаций, защита диссертаций, утверждение в ученых степенях; ед. хр. 58, 60, 61, 63 — стенограммы заседаний Ученого совета Института истории; защита докторской диссертации В. А. Васютинского (оппоненты Е. А. Косминский, В. М. Лавровский, В. Ф. Семенов; результаты голосования — 10—0—0) и т. д.

дений. Подчас читатель мог познакомиться с содержанием самой защиты диссертации.⁴ В «Историческом журнале», а также в «Известиях Академии наук СССР» (сер. истории и философии, выходили с 1944 г.), в «Докладах и сообщениях истфака МГУ» (1945 г.) печатались авторефераты ряда докторских диссертаций. В ряде случаев информация может быть получена из газетной периодики по месту дислокации того или иного гуманитарного центра, в котором проходила защита диссертаций.⁵ В таком случае периодическая печать выступает как историографический источник, поскольку по существовавшим длительное время правилам защиты диссертаций обязательна была публикация в газетах предварительных извещений о предстоящей защите с указанием темы диссертации, соискателя, оппонентов, времени и места защиты.

Широкие возможности открываются перед исследователями при обращении к эпистолярному наследию историков. Оно раскрывает такие стороны темы, которые не освещены в официальных документах.

Ряд диссертационных исследований в виде монографий был опубликован в годы войны, особенно вскоре после ее окончания.

Представление о вузовской науке дают архивы вышедших учебных заведений, например исторического факультета Ленинградского государственного университета, — планы научной работы, издательские планы, протоколы заседаний Ученого совета, отчеты о научной работе. История кафедр представлена планами научной работы, отчетами кафедр и преподавателей, планами конкретной тематики по кафедрам. Особое значение представляют рукописи защищенных диссертаций.⁶ Необходимый материал может быть получен также из книг по истории университетов,⁷ гуманитарных институтов,⁸ исторических факультетов.

Известны публикации «Тезисов» диссертаций, которые необходимы были при защите. О защите диссертаций со-

⁴ См.: Исторический журнал (далее — ИЖ). 1943. № 10. — Защита А. В. Мишулиным докторской диссертации: «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость» 6 июня 1943 г. на Ученом совете Института истории АН СССР.

⁵ О защите диссертаций в Среднеазиатском государственном университете и в Институте истории АН СССР см. в «Правде Востока» (Ташкент), в Московском государственном университете — в «Уральском рабочем» (Свердловск), в Ленинградском государственном университете — в «Коммунисте» (Саратов).

⁶ ЦГАОРЛ, ф. 7240, оп. 12 (диссертации), 14 (исторический факультет).

⁷ Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт. 1930—1980: Сб. документов и материалов. Пермь, 1984.

⁸ Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1985.

держатся сведения в воспоминаниях историков и в работах, посвященных деятельности ученых.

Особую ценность представляют специальные справочные издания о защитах диссертаций в ряде гуманитарных центров.¹⁰ В 1941—1945 гг., несмотря на тяготы войны, развитие исторической науки не прервалось, хотя чрезвычайно затруднилось и замедлилось, особенно на первом этапе войны. Война на первый план выдвинула участие историков в агитационно-массовой и культурно-просветительской деятельности. Сохранила свое значение (в меньшей степени) главная функция исторической науки — познавательная-творческая. Сильно осложнился кадровый вопрос, ощущался острый недостаток профессиональных историков. Давали о себе знать репрессии 30-х гг. Редели ряды «старой гвардии». Ушли из жизни Ю. В. Готье, Д. М. Петрушевский, С. А. Жебелев, С. А. Городцов. Многие историки стали воинами и народноополченцами, немало из них пало в боях. В связи с этим с 1942 г. принимались меры по повышению квалификации научных работников (восстановление в Академии наук СССР аспирантуры и докторантуры — очной и заочной). В различных гуманитарных центрах защищались диссертации. С 1941 по 1944 г. включительно Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы (существовала уже в течение 10 лет) утвердила в степени доктора наук (по всем специальностям) около 2 тыс. человек. За этот же период кандидатские диссертации защитило около 9 тыс. человек. По кандидатским диссертациям окончательное

⁹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. 2-е изд., доп. (1-е изд. вышло в 1967 г.); Кафенгауз Б. Б. Моя работа над диссертацией // История СССР. 1962. № 3. С. 106—115; Каменцева Е. И. Л. В. Черепнин в историко-архивном институте // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященных памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 14. — Защита в июле 1942 г. на Совете Московского педагогического института им. В. И. Ленина кандидатской диссертации Л. В. Черепнина «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV—XVI вв. (Очерки по истории землевладения московской митрополичьей кафедры)» и др.

¹⁰ Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г.: Библиографический указатель. Вып. 3. Факультеты: исторический, филологический и факультет журналистики. Изд. МГУ, 1960; Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете. 1934—1955 гг.: Библиографический указатель. Изд. ЛГУ, 1955. — Однако этому указателю свойственны два недостатка: 1) в него не включены все диссертации по истории 1941—1945 гг.; 2) он фиксирует дату «защиты» диссертации, но понимает под ней лишь время утверждения и не указывает время публичной защиты. Эти два недостатка нами исправляются по материалам ЦГАОРЛ (ф. 7240, оп. 12, ед. хр. 3 (ЛГУ, диссертации)). См. также: Диссертации, защищенные в Казанском государственном университете: Библиографический указатель. Изд. Казанского ун-та, 1960; Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Ереванском государственном университете с 1936 по 1969 г./Сост. Л. А. Гаспарян. Изд. Ереванского ун-та, 1972; Аксенова Н. Н. Библиография диссертаций, защищенных в Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева за 1935—1952 гг. Томск, 1955.

решение принимали ученые советы научных учреждений. ВАК требовала тщательной экспертизы диссертаций, глубокого обсуждения их на заседаниях советов, повышения их качества. До 15 % диссертаций в 1944 г. ВАК отклонила.

В 1945 г. по решению Всесоюзного комитета по делам высшей школы в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина был создан центральный диссертационный фонд, с которым могли знакомиться широкие круги научной общественности.¹¹

В начале 1945 г. ВАК начала выдачу дипломов и аттестатов научным работникам СССР — докторам и кандидатам наук, доцентам и старшим научным сотрудникам, что поднимало роль и значение научных работников.¹²

В сентябре 1942 г. было принято решение о повышении окладов ученым, работники науки были приравнены по снабжению продовольственными товарами к рабочим промышленных предприятий.

Возможности научной работы гуманитариев, особенно на первом этапе войны, были крайне ограничены и сужены. Многие исследователи в результате эвакуации на длительное время были оторваны от центральных и личных библиотек. Резко сократились возможности для публикаций. Не хватало бумаги. Доступ историков в архивы был затруднен, в большей части закрыт.

В беседе «Советские ученые в годы войны» по Всесоюзному радио (5 ноября 1944 г.) президент Академии наук СССР В. Л. Комаров сказал: «Война оторвала ученых от привычных мест, но не от научной работы».¹³ В гуманитарных учреждениях Академии наук СССР и академиях (филиалах) союзных республик, на исторических факультетах университетов и педагогических институтов проводились научные конференции и сессии. Создавались исторические труды, научно-популярные брошюры, статьи. Господствующее настроение среди историков, как отметила М. В. Нечкина на совещании историков в 1944 г., — «жажда научно-исследовательской работы».¹⁴

Не остановила творческую работу ученых начавшаяся блокада Ленинграда. Продолжали свою деятельность ученые советы. 16 и 20 октября 1941 г. Ученый совет ЛОИИ АН СССР обсудил доклад Р. М. Тонковой «Сражение на Марне». 30 октября Ученый совет единогласно присудил И. В. Мешалину степень кандидата исторических наук («Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века»). Оппонентами выступили С. Н. Валк, Б. М. Кочаков и И. И. Смирнов. 24 ноября Ученый

¹¹ См.: Вечерняя Москва. 1945. 11 января.

¹² См.: Известия. 1945. 3 января.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 6903, оп. 12, ед. хр. 93, л. 289.

¹⁴ ААН, ф. 827, оп. 3, ед. хр. 258.

совет рассматривал кандидатскую диссертацию И. С. Вдовина на тему «История русско-чукотских отношений до XX в.». «Никогда раньше так своевременно не собирався Ученый совет и весь коллектив Ленинградского отделения Института истории обсуждать точно в срок представленную работу. Никогда раньше так оживленно и тщательно не обсуждались работы научных сотрудников, как в осажденном Ленинграде».¹⁵

Систематически созывался Ученый совет Института истории материальной культуры (Ленинград). На его заседаниях 20 и 27 сентября, 4 октября 1941 г. защищались кандидатские и докторские диссертации. С. Н. Бибикову, Г. В. Григорьеву, Б. Е. Деген-Ковалевскому, А. П. Круглову, Г. В. Подгаецкому и А. Л. Якобсону Ученый совет присудил степени кандидатов исторических наук. Г. А. Бонч-Осмоловский был удостоен степени доктора исторических наук без защиты диссертации. 25 октября Ученый совет заслушал доклад М. И. Артамонова «Композиция борьбы зверей в скифском искусстве (из скифских штудий)».¹⁶

На ученых советах Ленинградского университета с начала войны до конца 1941 г. было защищено 46 кандидатских и докторских диссертаций. В декабре 1941 г. Ученый совет исторического факультета присудил К. И. Раткевич степень кандидата исторических наук за исследование «Вестфальское королевство». В январе 1942 г. Ученый совет собрался вновь, чтобы обсудить кандидатскую диссертацию военного юриста 1-го ранга Гронского «Революционное движение в Прибалтике при царизме». Диссертант был удостоен степени кандидата исторических наук.¹⁷

Вот как проходили защиты диссертаций на историческом факультете. «Ученый совет заседал ввиду происходившего очередного налета в подвальном помещении факультетского здания, где единственным источником света была древняя лучина, вновь получившая права гражданства. Члены совета, диссертант и его оппоненты сгрудились вокруг железной печурки, так как на расстоянии двух-трех шагов от нее температура была на несколько градусов ниже нуля. Пар клубами выходил из уст оратора, выступавшего в полушубке и валенках. Баллотировочным ящиком служила шапка одного из участников заседания. Все это, однако, не мешало прениям развернуться по всей форме и не внесло в установленную процедуру присуждения ученой степени ни малейшего изменения».¹⁸

¹⁵ Бочкарева Е. Ленинградское отделение Института истории АН СССР в дни Великой Отечественной войны // ИЖ. 1943. № 7. С. 101—102.

¹⁶ Колюцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.; Л. 1962. С. 54—55.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945. С. 162.

Центральные академические гуманитарные учреждения были эвакуированы в Ташкент и Алма-Ату. По приезде в Ташкент Б. Д. Греков отправил в ВАК письмо (за подписью: «Член Высшей аттестационной комиссии при Комитете по делам высшей школы»): «На Ваш запрос относительно размещения академических гуманитарных институтов и их правах по присуждению научных степеней спешу сообщить следующее: Институт истории размещен в основном в Ташкенте, имеет право присуждать обе ученые степени по наукам историческим». То же относилось к Институту мирового хозяйства и мировой политики, Институту права, Институту мировой литературы им. М. Горького (нет в Ташкенте кворума), Институту востоковедения (Институт еще не весь собрался в Ташкенте, так как перевод его из Ленинграда осуществлен недавно).¹⁹

Эвакуированные историки продолжили работу над диссертациями. Н. М. Дружинин писал из Алма-Аты С. В. Бахрушину в Ташкент: «Мечтаю о возвращении к своей диссертации (чемодан с материалами я вывез!)».²⁰ «Я лично возобновил наряду с другими работами писание своей диссертации, которая разрослась в объеме и потребует еще много усилий».²¹ «Я был счастлив, окончив работу над учебником («История Казахской ССР».— Г. Б., Л. Б.), вернуться к брошенной диссертации, над которой сижу сейчас почти все время».²² «Моя диссертация еще не перепечатана, так как Кучкин не имел денег, а сейчас ждет распоряжения на расход от дирекции. Я написал по этому поводу письмо Б. Д. Грекову и прошу его содействия».²⁴ Но вот защита диссертации состоялась, причем с большим успехом (официальные оппоненты В. И. Пичета, Б. Д. Греков, Г. И. Лященко).²⁵ Институт истории предлагал издать монографию Дружинина в ближайшее время.²⁶ Об этом докторском диспуте узнали многие историки страны, в том числе и те, кто находился в действующей армии. Н. В. Устюгов с фронта писал И. У. Будовницу: «С большим удовлетворением узнал о блестящей защите диссертации Н. М. Дружинина. Иначе и быть не могло. По существу Н. М. давно доктор.

¹⁹ ААН, ф. 457, оп. 1а—42г, ед. хр. 1, л. 98.

²⁰ Там же, ф. 624, оп. 4, ед. хр. 72, л. 6. Письмо от 10 декабря 1941 г.

²¹ Там же, л. 7, Письмо от 30 августа 1942 г.

²² Там же, л. 9. Письмо от 26 апреля 1942 г.

²³ А. Н. Кучкин — руководитель алма-атинской группы Института истории АН СССР.

²⁴ ААН, ф. 624, оп. 4, ед. хр. 222. Письмо от 21 марта 1943 г.

²⁵ Там же, ф. 1577, оп. 2, ед. хр. 92.

²⁶ См.: ИЖ. 1944. № 9. С. 103.— Статья Н. М. Дружинина «Государственная деревня накануне реформы 1837—1838 годов» была напечатана в 4-м номере «Исторического журнала» за 1945 г. Монография «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» вышла в свет в 1946 г. (т. I) и 1958 г. (т. II).

Теперь это оформлено юридически».²⁷ В другом письме Устюгова этому же адресату сообщалось: «Институтские новости мне в какой-то мере известны. Самой крупной из этих новостей считаю, конечно, блестящую защиту докторской диссертации Н. М. Дружининым».²⁸

Интенсивно трудились над диссертациями в условиях эвакуации в Ашхабаде историки Московского университета. Со 2 января по 16 июля 1942 г. на 15 заседаниях Ученого совета исторического факультета состоялась защита 21 диссертации, из них по кафедре истории — 11. Над докторскими диссертациями работали Г. А. Новицкий («Борьба русского государства за Балтику в XVI веке»), К. В. Базилевич («Образование русского государства»), Е. А. Луцкий («Аграрная политика Октябрьской революции»), В. И. Лебедев («Народные движения при Петре I»), Г. Н. Анпилов («Восточная политика Петра I»).²⁹ М. Н. Тихомиров писал из Ашхабада С. В. Бахрушину в Ташкент: «У нас идет усиленная защита диссертаций. На кандидата защитил А. М. Осипов, на доктора будут защищать Н. А. Машкин и Б. А. Рыбаков. Повлияйте всей вашей силой, чтобы Лебедев, Базилевич и Кафенгауз надели на свои диссертации».³⁰

Плодотворно работал в области истории уральской промышленности находившийся в Свердловске в составе эвакуированного из Ашхабада в Свердловск исторического факультета Московского университета доцент и докторант Института истории Б. Б. Кафенгауз. Он намечал три возможные темы: 1) «Древний Псков и вечевое законодательство в XIV—XV вв.», 2) «Внутренняя торговля России в XVIII в. и отмена внутренних таможен», 3) «История уральских заводов Демидовых в XVIII—XIX вв.». Заседание дирекции института вела заместитель директора А. М. Панкратова. Она сказала, что наиболее интересной темой является та, которую Кафенгауз поставил на третье место, — история хозяйства Демидовых. «Мы находимся в эвакуации на Урале, — говорила она, — и должны сделать что-либо полезное для уральцев, дать работу по истории уральской промышленности». К этому мнению присоединились Б. Д. Греков и С. В. Бахрушин. Эта тема и была утверждена; консультантом согласился быть С. Г. Струмилин. Диссертацию Кафенгауз защитил осенью 1946 г. (оппоненты А. И. Андреев, В. И. Пичета, К. В. Сивков).³¹

После возвращения Московского университета из эвакуации научная жизнь историков заметно оживилась. В течение

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 602, к. 9, ед. хр. 87.

²⁸ Там же.

²⁹ Сказкин С. Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде // ИЖ. 1943. № 2. С. 106—107.

³⁰ ААН, ф. 624, оп. 4, ед. хр. 222. Письмо 23 апреля 1942 г.

³¹ Кафенгауз Б. Б. Моя работа над диссертациями. С. 106—115.

1944 г. на Ученом совете исторического факультета была защищена 31 диссертация: 3 докторские и 28 кандидатских. Наибольшее количество диссертаций приходилось на историю СССР (12), всеобщую историю (5), археологию (4), историю партии (3), историю стран Востока (3), древнюю историю (2), этнографию (1), историю материальной культуры (1).³²

Историки Ленинградского университета были эвакуированы в Саратов. Они не ослабили ранее взятых темпов, хотя масштаб работы сократился. В городе, вскоре ставшем прифронтовым, продолжал работу Ученый совет, на котором обсуждались и защищались диссертации. Ленинградский университет стал притягательной силой для местных историков, а также для некоторых историков, эвакуированных в Саратовскую область. В Ленинградском университете защитили диссертации преподаватели Саратовского университета, Педагогического института (Л. А. Дербов, И. В. Синицын, А. Л. Шапиро, А. М. Дубинский, Н. И. Городилова) и Харьковского университета (Г. В. Фризман).

В Свердловском университете с апреля 1942 г. основной упор был сделан на разработку тематики по истории Урала, она доминировала и в готовящихся кандидатских диссертациях («Очерки по археологии Урала», «Приписные крестьяне в 50—60-х гг. XVIII в. на Урале»). А. А. Введенский защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Строгановых в Поморье и на Урале в XVI—XVIII веках» (официальные оппоненты С. Струмилин, С. Юшков, В. Данилевский, В. Никольский).³³ Среди защищенных была диссертация «Борьба за власть Советов на Урале в 1917 году» (Г. Рыжков).³⁴

Продолжалась защита диссертаций на историко-филологическом факультете Восточно-Сибирского (Иркутского) университета как местных историков, так и историков других сибирских вузов (М. Гудошников — «Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева»; Ф. Кудрявцев — «История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.» (в качестве диссертации была представлена книга на эту тему, изданная в Ленинграде в 1940 г.); В. Дулов — «Крестьянство Восточной Сибири в период первой русской революции» и др.).³⁵ В широком историко-культурном плане была построена кандидатская диссертация Г. Кунгурова «Культурные и литературные интересы сибирского общества (XVIII—XIX вв.)» (оппоненты М. Азадовский, Ф. Кудрявцев, писатель А. Ольхон).³⁶

³² См.: ИЖ. 1945. № 1—2. С. 107—110.

³³ Там же. 1943. № 10. С. 107; Выдающийся исследователь русского Поморья и Урала//Уральский рабочий. 1943. 22 августа.

³⁴ Труд. 1943. 14 сентября.

³⁵ ИЖ. 1943. № 3—4. С. 106.

³⁶ Там же. № 8—9. С. 108.

На заседании Ученого совета Объединенного украинского университета (создан на базе слияния Киевского и Харьковского университетов) в Кзыл-Орде старший преподаватель Кзыл-Ординского педагогического института В. Е. Иллерецкий защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политические и исторические взгляды В. Г. Белинского», старший преподаватель Молдавского пединститута Я. С. Гросул — диссертацию на тему «Крестьянская реформа в Молдавии в 1868 году».³⁷

После переезда Московского университета из Ашхабада в Свердловск помощь молодым историкам Туркмении продолжал оказывать Одесский университет, который с осени 1942 г. находился в г. Байрам-Али. В течение года Ученый совет присудил ученые степени нескольким ашхабадским научным работникам, например Ш. Юрхасову за диссертацию по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркмении. Осложняло работу туркменских историков то, что, кроме Одесского университета, ни одно высшее учебное заведение и Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы не получили права присуждать ученые степени по историческим наукам.³⁸

В Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (находился в г. Кыштым) над докторскими диссертациями (монографиями) работали Г. М. Данилова («Борьба раннегерманской общины с возникающей феодальной властью (анализ западноевропейских «Правд»)») и Т. Крылова («Петровская дипломатия», ее фрагменты уже печатались в «Ученых записках» института и в изданиях АН СССР (около 20 печатных листов)).³⁹

В плане работы Музея истории религии АН СССР на 1945 г. значились защита докторской диссертации «Исторические воззрения М. Горького» (М. И. Шахнович) и продолжение сбора материала по кандидатской диссертации «Свободомыслие историка А. П. Щапова» (младший научный сотрудник С. Рутенбург).⁴⁰

Надежда «на встречу с наукой» продолжала жить у историков-ученых, находившихся в действующей армии.⁴¹ Большое место вопросы исторической науки занимают в переписке Н. В. Устюгова. «Мы здесь, оторванные от научной работы на выполнение других заданий, мечтаем о возврате к научной деятельности».⁴² Его интересует, как прошла за-

³⁷ Там же. 1944. № 5—6. С. 95—96.

³⁸ Там же. 1943. № 7. С. 106.

³⁹ Там же. № 10. С. 107.

⁴⁰ ААН, ф. 457, оп. 1, ед. хр. 5, л. 103.

⁴¹ Там же, ф. 624, оп. 4, ед. хр. 257, л. 7. Письмо В. И. Шункова С. В. Бахрушину от 17 апреля 1945 г.— См. также переписку А. В. Фадеева с А. Л. Сидоровым: Научный архив Института истории АН СССР (далее — НА ИИ), ф. 14, ед. хр. 31, л. 131—137.

⁴² ОР ГБЛ, ф. 602, к. 9, ед. хр. 87. Письмо Н. В. Устюгова И. У. Будовницу от 18 августа 1944 г.

щита С. К. Бушуева.⁴³ Из нескольких источников он знает «об успехе А. Н. Насонова» и просит своего корреспондента уточнить: «...он защищал свою работу о Псковском летописании, которая была готова несколько лет тому назад, или написал новое исследование? Кто был его оппонентом?».⁴⁴ «С большим интересом» Устюгов ожидает диссертацию Н. Г. Апполовой. Ее тема в какой-то мере близка ему, так как многие из тех материалов, над которыми она работала, ему известны. «Проблема новая и интересная. Я ведь всегда был сторонником необходимости изучения истории народов СССР».

Устюгов сожалеет, что ему не удалось присутствовать на докторском диспуте М. П. Вяткина. «Текст диссертации я знаю, т. к. писал на нее отзыв. Кое о чем с автором можно было поспорить. Я помню, что М. П. согласился с моими замечаниями и хотел внести в свою диссертацию соответствующие изменения. А кто был его оппонентами? Самым знающим могла бы быть Н. Г. Апполова, т. к. она прекрасно знает первоисточники. Все остальные оппоненты будут высказывать либо „взгляд и нечто“, либо „нечто и взгляд“».⁴⁵

Устюгова интересует ход подготовки и защита диссертации И. У. Будовница («Русская публицистика XVI века»), ее сюжеты, оппоненты. «Первый из Ваших оппонентов — Б. Д. Греков — оппонент „благостный“. Он всегда подходит к диссертации по принципу наибольшего благоприятствования. Он всегда умеет найти достоинства диссертации и на достоинствах в первую очередь останавливается. Подход В. И. Пичеты несколько иной. Он умеет „мягко“ стелить, но „спать“ не всегда удобно. Но думаю, что и с этим оппонентом все уладится. Ну, конечно, найдутся и добровольные оппоненты, в первую очередь, конечно, С. В. Бахрушин».⁴⁶ Из переписки Устюгова узнаем и о его докторской диссертации, которую он планировал защищать в 1942—1943 гг., но война значительно отодвинула эти сроки.⁴⁷

Историческая наука военных лет знает примеры, когда историки, находившиеся в рядах Вооруженных Сил, направлялись, если позволяли обстоятельства, для защиты ранее подготовленных диссертаций. Об этом сообщали ленинградские и московские газеты.⁴⁸

⁴³ Письмо Е. Н. Кушевой от 23 июня 1942 г. Авторы выражают признательность Е. Н. Кушевой за предоставленные им копии писем Н. В. Устюгова.

⁴⁴ Письмо Е. Н. Кушевой от 5 января 1945 г.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 602, к. 9. Письмо Н. В. Устюгова И. У. Будовницу от 16 января 1944 г.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 87. Письмо Н. В. Устюгова И. У. Будовницу от 23 ноября 1944 г.

⁴⁷ Там же. Письмо Н. В. Устюгова И. У. Будовницу от 16 января 1944 г.; письмо Н. В. Устюгова Е. Н. Кушевой от 5 января 1945 г.

⁴⁸ Смена. 1941. 11 октября; Вечерняя Москва. 1942. 23 июля.

Участники войны включились в написание диссертаций на историческом факультете Московского университета. Заведующий кафедрой истории СССР И. И. Минц просил Комитет по делам высшей школы разрешить защиту диссертации доцента подполковника П. И. Логинова («От народного ополчения к советской гвардии» — история 11-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии) на закрытом заседании Ученого совета факультета, поскольку диссертация была написана по материалам, не подлежащим оглашению.⁴⁹

Одним из центров подготовки диссертаций была Комиссия по истории Великой Отечественной войны. Научными руководителями и консультантами выступали И. И. Минц, И. М. Разгон, А. Л. Сидоров. «Профессору товарищу Минцу» пришло письмо партизанки Т. А. Логуновой, в котором она сообщала: «Находясь в партизанском отряде с 7 сентября 1942 г., собирала материалы о зарождении партизанского отряда в Смоленской области. По совету Вашего сотрудника Белецкого обработала материалы в исторические очерки, охватывающие период с июля 1941 по июль 1942. Прошу рассмотреть мои работы, так как это историческая ценность. 7 ноября 1942».⁵⁰

Затем Логунова начала работу над диссертацией. За подписью заместителя председателя комиссии И. И. Минца были направлены письма (январь 1943 — июль 1944 г.) в оперативные отделы 4-й ударной, 41-й и 43-й армий, в Украинский штаб партизанского движения, в штаб 1-го Прибалтийского фронта с просьбой оказать содействие Логуновой в сборе материалов.⁵¹

В большинстве случаев в качестве диссертаций представлялись рукописные тексты. Иногда защищались опубликованные монографии, книги (Б. Б. Пиотровский, А. Ю. Брюсов, А. Н. Бернштам, М. Г. Брагин, К. В. Пигарев). Фрагменты будущих диссертаций появлялись в печати. Часть диссертации А. Л. Нарочницкого была напечатана в 1-м томе «Истории дипломатии» (1941 г.). Объем докторских диссертаций составлял 35 (А. В. Мишулин) и 40 (Н. А. Машкин) печатных листов, кандидатских — 15 листов (А. Л. Нарочницкий).

Диссертации военных лет в той или иной мере расширяли и углубляли господствовавшие представления. Б. Д. Греков в одном из писем М. Н. Тихомирову (между 30 июня и сентябрем 1942 г.) пишет о своих впечатлениях от диспута во время защиты докторской диссертации Б. А. Рыбаковым («Ремесло Древней Руси»): «Подкупает полнота материала, до сих пор разрозненного. А больше всего мне понравилась попытка установить связь докиевского периода с киевским. На отдельных производствах наглядно обнаруживается эта связь». Гре-

⁴⁹ НА ИИ, ф. 14, ед. хр. 31, л. 245.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 28, л. 4.

⁵¹ Там же, л. 61, 66, 70, 75, 122.

ков сожалел, что он писал законченную и напечатанную в 1942 г. книгу «Борьба Руси за создание своего государства» до ознакомления с монографией Рыбакова. «Можно было бы оттуда позаимствовать кое-что интересное и для меня важное», — замечает он.⁵¹

Попытаемся обобщить информацию о диссертационных исследованиях советских историков (в годы войны).

Наиболее полными данными (благодаря опубликованным справочным изданиям) авторы статьи располагают о защите диссертаций в Московском, Ленинградском, Томском, Казанском, Ереванском университетах. По газетной периодике («Правда Востока») восстановлена картина защиты диссертаций в Среднеазиатском университете и в Институте истории АН СССР в период пребывания его в эвакуации в Ташкенте (1942 — середина 1943 г.). Таким образом, выясняется функционирование важнейших гуманитарных учреждений как центров защиты диссертаций.

При этом следует иметь в виду также то, что Московский университет во время эвакуации дислоцировался в Ашхабаде, а затем в Свердловске, Ленинградский — в Саратове. Следовательно, полученные данные распространяются на многие регионы: Москву, Ленинград, Поволжье, Среднюю Азию, Закавказье, Сибирь. Хронологически исследование охватывает период с июня 1941 г. по июнь 1945 г.

Учитывая большой объем массива информации (220 диссертаций) и целый ряд аспектов анализа, авторы сочли целесообразным для обобщения материала использовать количественные методы и ЭВМ. Для характеристики основных направлений в защите диссертаций введены следующие категории анализа: 1) диссертации (кандидатские или докторские); 2) предмет (история отечественная или всеобщая); 3) раздел исторической науки (период) — 13 категорий; 4) проблематика — 8 категорий; 5) вид исследований — 3 категории; 6) научные учреждения, в которых проводилась защита диссертации, — 7 категорий; 7) год защиты — 5 категорий; 8) срок утверждения — 2 категории.

Таким образом, в память ЭВМ вводились данные о каждой из 220 диссертационных работ по 8 категориям, указанным выше. На основе созданной информационной базы с помощью ЭВМ были получены различные сводные данные о структуре массива диссертаций, построены таблицы сопряженности категорий, вычислены коэффициенты (табл. 1).⁵²

⁵² Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987.

С. 26.

⁵³ Предлагаемая классификация исторических диссертационных исследований не претендует на исчерпывающую полноту и является в определенной степени условной. Однако и в таком виде она может служить одним из инструментов для обобщения имеющейся информации, анализа структуры, проблематики и динамики диссертационных исследований в рассматриваемый период.

Таблица 1

Распределение диссертаций по различным категориям

Категория	Число диссертаций	%	Категория	Число диссертаций	%
Диссертации			Проблематика		
Кандидатские	190	86.4	Социально-экономическая история	21	9.5
Докторские	30	13.6	Политическая история	43	19.5
			Внешняя политика и дипломатия	22	10.0
			Военная история	23	10.5
			Культура, идеология	44	20.0
			Освободительное движение	27	12.3
			Революции	22	10.0
			История народов СССР	18	8.2
Предмет			Вид исследования		
Отечественная история	137	62.3	Конкретно-исторические исследования	177	80.4
Всеобщая история	83	37.7	Источниковедение и другие вспомогательные исторические дисциплины	27	12.3
			Историография	16	7.3
Раздел исторической науки			Научные учреждения		
Первобытнообщинный строй	11	5.0	Московский университет	116	52.7
Древний мир	15	6.8	Ленинградский университет	48	21.8
Средние века	11	5.0	Ереванский университет	11	5.0
Новая история	21	9.5	Казанский университет	7	3.2
История новейшего времени	9	4.1	Среднеазиатский университет	16	7.3
История стран Востока	14	6.4	Институт истории	13	5.9
Славяноведение	8	3.6	Томский университет	9	4.1
Византиноведение	3	1.4	Год защиты		
История СССР в период феодализма	50	22.7	1941	49	19.5
История СССР в период капитализма	18	8.2	1942	54	24.6
История СССР в период империализма	34	15.5	1943	61	27.7
История СССР в период социализма	21	9.5	1944	39	17.7
История Великой Отечественной войны			1945	21	9.5
Вторая мировая война	5	2.3	Нет данных	2	0.9
			Срок утверждения		
			В течение месяца	100	44.5
			Срок более месяца	77	35.0
			Нет данных	43	19.5

Как показывают данные табл. 1, около 2/3 всех диссертаций относились к отечественной истории, а несколько более 1/3 — к всеобщей. При этом наиболее представлены были работы по истории СССР периода капитализма (включая империализм, 23.7 %), периода феодализма (22.7 %), а также по новой и новейшей истории (13.6 %).⁵⁴

Табл. 1 отражает новый этап развития, в который вступили исследования по славяноведению и византиноведению (5 %),⁵⁵ а также зарождение историографии второй мировой войны и Великой Отечественной войны (2.3 %).⁵⁶

С точки зрения проблематики преимущественное внимание уделялось сюжетам, связанным с культурой и идеологией (20 %), политической историей (19.5 %), внешней политикой, дипломатией и военной историей (20.5 %). Особо следует отметить возрастание внимания историков к страницам боевой славы России. В диссертациях военных лет исследовались история разгрома Ливонского ордена, вопросы борьбы против иноземных захватчиков в начале XVII в., партизанского движения в Отечественной войне 1812 г., полководческое искусство Петра I, Суворова, Кутузова.⁵⁷

Что касается видов исследования, то наиболее распространенными были конкретно-исторические исследования (80.4 %); историографические и источниковедческие работы охватывали около 20 % исследований.⁵⁸

⁵⁴ Дуров А. Л. 1) Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; 2) Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1; 1948. Т. 2; Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв.; Сборник статей. М., 1961; Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948; 2-е изд., испр. и доп. М., 1961.

⁵⁵ Миллер И. С. Наперский: (Крестьянское движение в Польше в 1651 г.); Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М., 1962; Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборческого движения в Византии; Лебедев Н. С. Академик В. Г. Василевский как византист: (Работы В. Г. Василевского о византийско-русских отношениях).

⁵⁶ Дубинский А. М. 1) Война на Тихом океане. Саратов, 1942; 2) Международные отношения и внешняя политика СССР на Дальнем Востоке (1931—1939). М., 1951; Шаповалов Н. А. Партизанско-политическая работа в частях Западного фронта при обороне города Москвы; Шульц Б. Г. Великая освободительная миссия Красной Армии.

⁵⁷ Дербов Л. А. 1) К истории падения Ливонского ордена // Учен. зап. СГУ. 1947. Т. 17; 2) К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576) // Там же. 1954. Т. 39; Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII в.; Захаренко А. Г. Россия в Семилетней войне; Кафтарян С. М. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.; Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна, вступ. ст. и коммент. П. П. Епифанова. М., 1946; Лигарев К. В. Солдат-полководец: Очерки о Суворове. М., 1944; Брагин М. Г. Полководец Кутузов. М., 1944.

⁵⁸ Керман Л. Е. Эволюция исторических взглядов П. Н. Грановского; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1.; Гутнова Е. В. Томас Карлейль как историк; Рогинская А. Е. Филипп де Комин как политик и историк; Абраман А. Н. Сочинения Анаания Ширакаци, и др.

Из табл. 1 видно, что в трудные годы войны продолжалась интенсивная научная деятельность крупнейших гуманитарных центров (значительная доля работ приходилась на Московский и Ленинградский университеты).

Анализ динамики защиты диссертаций показывает, что в военное время активность работы историков не снижалась (особенно если учесть, что данные за 1941 и 1945 гг. охватывали соответственно 7 и 6 военных месяцев начального и завершающего этапов войны).

Последний раздел табл. 1 показывает, что значительная часть диссертаций утверждалась в краткий срок (в течение месяца), поскольку окончательные решения по кандидатским диссертациям принимали ученые советы научных центров.

Интересные наблюдения о тенденциях диссертационных работ по истории дают таблицы сопряженности, отражающие взаимосвязь разных категорий. Так, обращает на себя внимание близость распределения кандидатских и докторских диссертаций по отечественной и всеобщей истории: среди кандидатских диссертаций 61.6 % работ относится к отечественной истории, среди докторских диссертаций этой категории — 66.7 % работ.

Вместе с тем по проблематике различие кандидатских и докторских диссертаций более заметно. Среди кандидатских диссертаций наиболее представлены работы по истории культуры, идеологии (19 %), политической истории (17.4 %), освободительному движению (13.2 %). Среди докторских диссертаций на первом месте стоят работы по политической истории (33.3 %), истории культуры и идеологии (26.7 %) и социально-экономической истории (16.7 %). Среди кандидатских диссертаций социально-экономическая проблематика представлена в меньшей мере (7.9 % — 8 мест).

Табл. 2 показывает, что если процесс подготовки и защиты кандидатских диссертаций был достаточно стабилен, то иное положение было с защитой докторских диссертаций, число и доля которых снижалась от середины войны к ее концу. Ситуация с докторскими диссертациями резко изменилась в послевоенные годы, когда стали

Таблица 2

Динамика защиты кандидатских и докторских диссертаций в годы войны

Диссертация	Июнь-де-кабрь 1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Январь-май 1945 г.
Кандидатская	38 (88.4%)	44 (81.5%)	50 (82.0%)	36 (92.3%)	21 (100%)
Докторская	5 (11.6%)	10 (18.5%)	11 (18.0%)	3 (7.7%)	0 (0%)
Итого	43 (100 %)	54 (100%)	61 (100%)	39 (100%)	21 (100%)

положительно сказываться результаты восстановления докторантуры в 1942 г. в системе Академии наук СССР.⁵⁹

Сопоставление тематики диссертационных работ по отечественной и всеобщей истории показывает, что социально-экономической проблематике больше внимания уделялось в диссертациях по отечественной истории (11 % работ по сравнению с 6 % работ по всеобщей истории). Примерно такое же соотношение наблюдается в диссертациях по военной истории (13 % работ по отечественной истории и 6 % — по всеобщей). В то же время проблемы истории внешней политики, дипломатии, а также культуры и идеологии больше разрабатывались в диссертациях по всеобщей истории (16,9 % работ против 5,8 % в первом случае и 30,1% против 13,9 % в втором случае).

Распределение диссертаций по отечественной и всеобщей истории для разных научных центров существенно различалось. Наиболее высоким процент защит по отечественной истории был в Среднеазиатском и Ереванском университетах (87,5 и 81,8 %), а по всеобщей истории — в Казанском университете (57,1 %). В МГУ и ЛГУ доля работ по отечественной истории составляла 56,9 и 66,7 %.

Обратимся к сопоставлению проблематики диссертаций и разделов исторической науки. В работах по истории Древнего мира доминировала проблематика, связанная с историей культуры, идеологии и политической истории (66,7 %),⁶⁰ по истории средних веков — вопросы истории культуры и идеологии (45,5 %),⁶¹ по новой истории — вопросы истории культуры и идеологии, внешней политики и дипломатии (52,4 %).⁶² Среди работ по истории стран Востока наряду с диссертациями по указанной проблематике первое место занимали диссертации по политической истории (в совокупности эта проблематика охватывала 71,4 % диссертаций).⁶³

⁵⁹ См.: Кушева Е. Н. О подготовке научных кадров... С. 118—128.

⁶⁰ Коростовцев М. А. 1) Египетский язык. М., 1961; 2) Введение в египетскую мифологию. М., 1963; 3) Писцы Древнего Египта. М., 1962; Машкин Н. А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949; Штаерман Е. М. 1) Расцвет рабовладельческих отношений в Римской империи. М., 1964; 2) Кризис античной культуры. М., 1975; Шофман А. С. История античной Македонии. Казань, 1960. Ч. 1; 1963. Ч. 2.

⁶¹ Коган-Бернштейн Ф. А. Жан Боден: Жизнь и творчество. Ч. 1—2; Житомирская С. В. Политические воззрения Франческо Гвиччардини: (По его «Неизданным произведениям»); Рациг Н. И. Школа в Женеве при Кальвине: Страница из истории реформации XVI в.; Левкова С. З. Очерки по истории тираноборческой литературы во Франции XVI в., и др.

⁶² Волина Е. А. Трейчке как представитель немецкой националистической историографии; Васютин П. Г. Бисмарк и Союз трех императоров накануне русско-турецкой войны (1875—1877 гг.); Пенькова Л. А. Дипломатические переговоры России и Франции во время войны 1812 г., и др.

⁶³ Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. М.; Л., 1947; Зильберг Д. Н. Принцип народного благоденствия в учении доктора Сунь Ятсена; Эренбург Г. Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. М., 1950 (перезд. в 1951 г.); Осипов А. М. Национально-освободительное движение в Индии (1918—1940 годы), и др.

В славяноведении, а также в византиноведении наибольшее внимание уделялось истории культуры и идеологии (соответственно 37.5 и 66.7 %).

Структура проблематики диссертаций по отечественной истории имела свою специфику. Так, в работах по истории СССР периода феодализма наибольшее число диссертаций приходится на политическую, военную и социально-экономическую проблематику (62 %). Что касается диссертаций по эпохе капитализма, то здесь центр внимания исследователей сосредоточен на проблемах освободительного движения, культуры и идеологии (44.4 % работ по периоду капитализма), освободительного движения и истории революций (50 % работ по периоду империализма). В исследованиях по советскому периоду активно разрабатывались вопросы революции, гражданской войны и социалистического строительства в национальных республиках.⁶⁴

Особое место в проблематике отечественной истории занимают работы по различным аспектам истории народов СССР; уделялось внимание вопросам, относящимся к разным периодам истории и разным регионам. Значителен вклад в изучение этих вопросов М. И. Артамонова, А. Н. Бернштама, А. П. Смирнова, С. П. Толстова, Б. Б. Пиотровского, Н. И. Чебоксарова, А. Я. Брюсова, М. К. Рожковой, Е. И. Крупнова, Е. М. Шиллинга,⁶⁵ Ф. П. Шевченко, С. К. Бушуева и других исследователей.

Вполне объяснимым является преобладание работ конкретно-исторического характера по всем разделам исторической науки, за исключением первобытнообщинного строя и византиноведения, где доминировали работы источниковедческого и историографического характера.

Анализ распределения диссертаций по тому или иному разделу исторической науки выявляет специфику профиля научных центров. Так, в МГУ среди работ по отечественной истории наиболее были представлены диссертации по истории периода капитализма (25% от общего числа защищенных диссертаций), в то время как в ЛГУ — по истории феодализма (34.5%). В Ереванском университете и в Институте

⁶⁴ Лалаян А. А. Борьба за советскую власть в Армении; Марков С. Ф. Крестьянство Украины в Отечественной войне против немецких оккупантов (1918 г.); Додонов И. К. Февральская революция 1917 г. в Узбекистане; Ильясов С. Коллективизация сельского хозяйства Киргизии 1930—1934 гг., и др.

⁶⁵ Артамонов М. И. 1) Киммерийцы и скифы. Л., 1974; Бернштам А. Н. 1) Культура древнего Киргистана. Фрунзе, 1942; 2) Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. VI—VIII века: Восточнотюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946; 3) Архитектурные памятники Киргизии. М.; Л., 1950; Толстов С. П. 1) Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948; 2) По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948; Бушуев С. К. Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1828—1864 гг.); Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944; Рожкова М. К. Из экономической истории Закавказья в первой половине XIX в., и др.

Динамика защиты диссертаций в МГУ и ЛГУ

Вуз	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
МГУ	22 (19.0%)	22 (19.0%)	35 (30.0%)	28 (24.1%)	9 (7.8%)
ЛГУ	18 (37.5%)	7 (14.6%)	9 (18.8%)	6 (12.5%)	6 (12.5%)

истории АН СССР на первом месте были диссертации по периоду феодализма (соответственно 54.6 и 23.1%), в то время как в Томском университете наиболее были представлены работы по новой истории (33.3%), в Среднеазиатском университете — по истории СССР эпохи капитализма (56.3%).

Сопоставление динамики защиты диссертаций для ведущих научных центров показывает, в частности, что интенсивность научной жизни в них различалась (табл. 3). Если в МГУ максимум защит приходится на 1943 г. (30% от общего количества защит в МГУ в военные годы), то в ЛГУ этот максимум приходился на 1941 г. (37.5%). В последующее время ежегодный показатель защит остается стабильным, но в два-три раза меньшим, чем за первые семь месяцев войны. Из этого видно, что эвакуация и условия военного времени повлияли на динамику этого процесса, но они не смогли остановить хода развития отечественной исторической науки.

Большая часть диссертаций, защищенных в 1941—1945 гг., была подготовлена накануне войны и находилась в русле широкого поворота к конкретно-историческим исследованиям, который начался с середины 30-х гг. Усилился интерес к истории войн, внешней политики, дипломатии, к истории народов СССР, славянских народов, народов стран антигитлеровской коалиции. Историки стремились отразить новые идеи, придать традиционным темам новое звучание и тем самым делали свои работы политически заостренными. Зародилась историография Великой Отечественной войны, второй мировой войны (Тихоокеанский театр военных действий).

Процесс подготовки и защиты диссертаций отражал как саморазвитие науки, так и подчиненность его военному времени. Диссертантам приходилось преодолевать большие трудности. По конъюнктурным соображениям некоторые диссертации отклонялись.⁶⁶ Наряду с диссертациями, достойно представлявшими науку, было немало слабых и наполненных привычными схемами и ложными стереотипами. В информации «Исторического журнала» о Московском университете сообщалось, что некоторые диссертации по своей основатель-

⁶⁶ Закс А. Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 164—167.

ности и новизне превосходят требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Но встречались работы с чрезвычайно широкой, почти всеобъемлющей постановкой темы, что уже само по себе не позволяло серьезно исследовать вопрос. Часто диссертации почти не вносили ничего нового в историю вопроса. Обращалось внимание кафедр, руководителей аспирантов на необходимость более полной и глубокой разработки диссертационных тем.⁶⁷ В. И. Пичета под впечатлением одной защиты в Институте истории заявил: «Нужно поставить вопрос о требованиях, предъявляемых к диссертациям».⁶⁸ Оценка научной работы историков и их диссертаций давалась, как правило, на достаточно высоком уровне, без скидок на военные условия.

Сильнейшее воздействие на историческое мышление наряду с военными условиями оказывала идеологическая и политическая инфраструктура. Набивавший силу культ личности Сталина разрушительно влиял на историческое познание, как и на все стороны общественно-политической и духовной жизни. Господствовали авторитарные оценки и суждения, которые основывались на ошибочных исторических схемах и характеристиках, утвердившихся в начале 30-х гг. В наибольшей силе они воздействовали на историю советского общества.

В условиях тоталитаризма историческая научная мысль не могла в достаточной мере проявить свою сущность как независимого, научно обоснованного суждения. Распространялись догматизм, иллюстративно-описательный метод. Это приводило к выпрямлению и приукрашиванию истории (особенно отечественной), к отходу от принципов научной достоверности.

Но при всех деформациях исторического познания шел процесс приращения знаний. В гуманитарной сфере существовали силы, олицетворявшие незапрограммированное мышление. Неумирающий процесс саморазвития науки и критической мысли привел к появлению диссертаций, которые справедливо относятся к вершинным достижениям отечественной историографии,— «История и культура Урарту» Б. Б. Пиотровского, «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» Н. М. Дружинина, «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбакова, «Письмо и язык Древнего Египта» М. А. Коростовцева и др.

Диссертационный фонд 1941—1945 гг.— это часть нашей жизни и наследия историков, существенная составляющая их творчества. Готовить и защищать диссертации в условиях грозного времени — значило бороться за сохранение и обогащение научного потенциала историографии. Благодаря

⁶⁷ ИЖ. 1945. № 1—2.

⁶⁸ ААН, ф. 1577, оп. 2, ед. хр. 56, л. 7.

публикациям он стал достоянием читателей отчасти уже в годы войны, но в основном после ее окончания.

А. Ю. ДАВЫДОВ

О ПУТЕВОДИТЕЛЯХ КАК ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДА

Одним из путей расширения истонниковой базы может стать использование историками некоторых материалов путеводителей.¹ К сожалению, в научной литературе нет работ, посвященных их источниковедческому анализу. Некоторое внимание им уделили публицисты. В книге Ю. Александрова по праву на первое место выдвигается просветительная и воспитательная функция указанных справочных изданий. Автор выступает против «несправедливой оценки, когда в путеводителе видели лишь... издание, не заслуживающее серьезного внимания».² Однако вызывает сомнение и безоговорочная характеристика Ю. Александровым путеводителей всех видов в целом (всех их частей, разделов) как важного исторического источника.

Учитывая явную недооценку исследователями источниковедческой значимости путеводителей, с одной стороны, и определенную переоценку ее в публицистической литературе — с другой, автор данной статьи поставил перед собой задачу — определить значение в изучении истории культурной жизни Ленинграда материалов путеводителей, изданных с 1924 г., когда появился первый путеводитель по городу.

Появление указанных путеводителей в 1920-е гг. было вызвано усилением потребности расширить кругозор трудящихся, помочь им познать историю, экономику, культуру одного из крупнейших советских городов. Их стали выпускать в свет несколько издательств: в 1920-е — середине 1950-х г. — издательство орготдела Леноблисполкома, газетно-журнальное и книжное издательство исполкома Ленсовета, социально-экономическое издательство ОГИЗ, издательство

¹ В целом путеводители можно определить как краткие справочные издания, содержащие сведения о стране, городе, туристском маршруте, историко-художественном памятнике и т. п. (см.: Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1984. С. 1080). Перед путеводителями ставятся конкретные цели ознакомить читателя с достопримечательностями того или иного района, помочь ему навести справку по городу, получить информацию бытового характера. Автор настоящей статьи понимает, что жанр путеводителя предполагает использование его как вторичного опосредованного источника.

² Александров Ю. Москва: Диалог путеводителей. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 8.